

A watercolor illustration of a man and a woman in a room. The woman, on the left, has her hair styled in an updo and is wearing a purple dress. She is holding a small, round, ornate mirror. The man, on the right, is wearing a dark suit and a tie. They are both looking at each other. In the background, there is a large, ornate mirror on the wall. The overall style is soft and romantic.

Мари Мелентия

**Дождись меня.
Роман в двух
столетиях**

Мари Мелентия

Дождись меня. Роман

в двух столетиях

<https://litres.ru/73744627>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что если путешествие в прошлое — это нить судьбы, связывающая две жизни, разделенные столетием?

Москва, октябрь 2026 года. За окном накрапывает дождь, а Рената, приросшая к продавленному креслу, вглядывается в экран. Её мир — звонкий голос дочери с разноцветными прядями, топот восьмилетнего Мити и тихая одержимость генеалогией. Обычное счастье, которое она ещё не умела ценить.

В миг, когда на экране возникает запись о деревне Лисиха, реальность даёт трещину. Крик дочери утонул в нарастающем гуле — и Рената открывает глаза под прокопченным потолком русской избы.

Деревня Лисиха, 1889 года. Здесь реальные исторические личности переплетутся с вымыслом. Здесь, Рената пройдет сквозь толщу времен, чтобы однажды — уже в своём мире — столкнуться с тем, чьи черты узнает сквозь столетие.

Любовь не знает времени. Она лишь ждёт, когда её дождутся.

«Дождись меня. Роман в двух столетиях» — история о том, как далеко может завести нить рода и можно ли найти своё сердце в чужом веке.

Содержание

Пролог: Нить судьбы.	5
Глава первая: Сквозь толщу времён.	12
Глава вторая: Меж двух берегов реки времён.	16
Глава третья: След из будущего.	25
Глава четвертая: Нить, связавшая век.	29
Глава пятая: Встреча.	35
Глава шестая: Разговор у печи.	41
Глава седьмая: Брат и сестра.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мари Мелентия

Дождись меня. Роман в двух столетиях

Пролог: Нить судьбы.

Москва, октябрь 2026 года.

За окном московской квартиры, накрапывал унылый дождь. Он методично, с какой-то старческой обидой, барабанил по подоконнику, разбивая капли о стекло, за которым город плавился в серой дымке, превращаясь в размытый акварельный набросок. Но Рената его не слышала. Мир за оконным стеклом перестал для нее существовать, растворившись в тихом жужжании вентилятора процессора и призрачном свете монитора. Она, словно приросшая к старинному, продавленному креслу, поджала под себя колени. Это кресло, помнившее еще ее студенческие годы, давно просилось на свалку, но именно в нем было то самое, ничем не заменимое удобство — уютная яма, в которую можно спрятаться от всей суеты. Свет монитора, выхватывал ее сосредоточенное лицо, оттеняя легкими тенями усталости под глазами. Темные волосы, собранные в небрежный пучок на затылке, растрепались, и тонкая прядь упала на лоб, щекоча ко-

жу, но Рената даже не думала ее убирать. Рядом, как верный спутник, утомленный долгой дорогой, тихо жужжал ноутбук, а журнальный столик напоминал поле битвы — здесь, словно истерзанные вестники прошлого, валялись разбросанные распечатки архивных документов. Листы с пожелтевшими краями, испещренные поблекшим шрифтом машинописных копий и готической вязью дореволюционных метрик, лежали вперемешку с чашкой давно остывшего кофе и крошками от печенья.

— Мам, ты опять за своим колдовством? — звонкий голосок Алины, пятнадцатилетней дочери, чьи волосы украшали модные разноцветные пряди, будто радужные крылья бабочки, прорезал тишину. Алина стояла в дверях, скрестив руки на груди, выражая всем своим видом подростковое превосходство и легкое раздражение. В ее руках был новенький планшет для школы, и она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. — Ты же обещала мне помочь с проектом по истории. Мы договаривались на семь, а сейчас уже половина восьмого!

— Сейчас, милая, еще пять минут, — рассеянно прозвучал ответ. Рената даже не повернула головы. Ее взгляд был прикован к мерцающему экрану, который сейчас казался ей не просто дисплеем, а таинственной бездной, ведущей вглубь веков. Она слышала голос дочери, но смысл слов тонул в вязком тумане поиска.

Из соседней комнаты, подхваченный эхом коридора, до-

неся топот восьмилетнего Мити. Он, словно озорной ветерок, носился с мячом, игнорируя все мамины запреты играть в квартире. Где-то глухо стукнул упавший с полки конструктор, но и этот звук не заставил Ренату вздрогнуть. Обычный вечер. Обычная жизнь. Обычное счастье, которое Рената тогда еще не умела ценить по-настоящему, как не умеют ценить драгоценный камень, пока не найдут его среди пыли. Ей казалось, что это — досадная помеха, шум, отвлекающий от главного.

На экране, словно врата в прошлое, мерцал сайт Familio — генеалогическое древо, раскинувшееся виртуальными ветвями, ставшее ее тихой, но всепоглощающей одержимостью. Все началось полгода назад, случайно, с вопроса Мити «откуда мы родом». Этот вопрос, заданный детским лепетом, поселился в голове сначала червячком сомнения, а потом разросся до масштаба навязчивой идеи. Рената, выросшая в семье, никогда не знавшей своих корней дальше дедов, вдруг почувствовала непреодолимую потребность найти хоть что-то. Свое место. Свою точку опоры в бесконечности.

— Ну, где же ты, Мелентий? — прошептала она одними губами, вглядываясь в пожелтевшие от времени, страницы метрической книги, оцифрованной и выложенной энтузиастами. Ее палец скользил по тачпаду, пролистывая сканы один за другим. Владимирская губерния. Глушь. Мелентий без фамилии ее прапрадед, на днях пришедший к ней во

снах, прошептал: - найди меня.

Перед глазами все еще стояла запись, найденная час назад: «деревня Лисиха, расположенная на правом берегу реки, Вязниковского уезда, 11 дворов, 100 душ обоего пола. Упразднена 14 февраля 1966 года». Маленькая, исчезнувшая с лица земли деревушка, будто тень, стертая временем. Сейчас на ее месте, согласно спутниковым картам, — лишь заросший бурьяном овраг да осинник. Но что-то в этих сухих цифрах переписи 1859 года, словно молния, поразило ее в самое сердце, заставив биться быстрее, как пойманная птица. Лисиха. Это была родина ее предка Мелентия. Место, где они пахали землю, рождались, венчались и умирали. Место, которое исчезло за двадцать четыре года до ее собственного рождения, словно его никогда и не существовало. Но ведь существовало же! В ней, в Ренате, сейчас текла их кровь, смешанная с кровью неизвестных людей, но кровь этих ста одиннадцати душ обоего пола.

В открытой вкладке Telegram, висело уведомление о новом подписчике на ее канале. За год она собрала там небольшую, но преданную аудиторию — таких же одержимых, как она сама, искавших свои корни среди пыльных архивов и забытых историй. Кто-то искал репрессированных родственников, кто-то — пропавших без вести на войне, а кто-то, как и она, пытался отыскать канувшие в лету деревни. Они переписывались по ночам, скидывая друг другу сканы, споря о

методах прочтения старых почерков и радуясь находкам так, будто нашли клад. Для Ренаты, в свои тридцать шесть остро ощущавшей зыбкость и щемящее одиночество столичной жизни, словно океан, разбивающийся о берег, даже при наличии любимых детей, эти поиски стали чем-то большим, чем просто хобби. Это был ее личный квест, ее трепетный диалог с вечностью, словно разговор с призраком из прошлого. В этих поисках она переставала быть просто «мамой Ренатой» или «менеджером Ренатой»; она становилась хранительницей судеб, звеном в цепи, которое не даст порваться нити.

Она листала дальше, пытаясь найти упоминание о Мелентии, наткнувшись на фамилию Немов в исповедных ведомостях. — Значит, Немов-улыбнувшись Рената откинулась в кресле с облегчением. Новая зацепка-надежда открывала новый путь поиска. Время продолжало течь. Дождь за окном то стихал, то начинался с новой силой, но для Ренаты существовала только бесконечная лента микрофильмов.

Внезапно перед глазами все поплыло. Монитор не моргнул, свет не погас, но реальность дала трещину. Мир покачнулся, словно корабль в шторм, и поплыл в странном, тягучем хороводе. Комната начала вращаться вокруг продавленного кресла, смешивая цвета и звуки в один вязкий водоворот. Очертания стола, разбросанные распечатки, ноутбук — все потеряло резкость, превратившись в акварельные пятна. В ушах возник нарастающий гул, похожий на звон колоколов

или на рев трактора, въезжающего в подъезд, только в тысячу раз громче и глубже. Этот звук, казалось, вибрировал не в воздухе, а прямо в ее костях, в позвонках, в висках.

Краем угасающего сознания она ощутила резкий, ледяной холод, сковавший пальцы ног, и запах — ни с чем не сравнимый, сырой и тяжелый запах мокрой земли, прелой листвы и... дыма. Не сигаретного дыма из соседней форточкой, а настоящего, горького дыма печной трубы, смешанного с ароматом ржаного хлеба и лошадиного пота.

И последнее, что она услышала, прорываясь сквозь этот всепоглощающий гул, был крик Алины. Крик, пронзительный, как стрела, выпущенная в самое сердце тишины:

— Мама! Мамочка! Что с тобой?!

Рената хотела ответить, сказать, что все в порядке, что просто закружилась голова, но ее губы не слушались. Тело стало чужим, тяжелым и ватным. Она видела, как Алина бросает планшет на пол, как подбегает ближе, как расширяются от ужаса ее глаза, в которых отражается белый свет монитора. Но этот крик, этот образ дочери, словно мотылек, попавший в смолу, начал стремительно таять, утопая в нарастающем гуле, поглотившем сознание целиком, как черная дыра поглощает звезду.

Последней мыслью Ренаты, мелькнувшей с абсурдной ясностью, была не мысль о детях и не страх смерти. Это была мысль о Мелентии. «Я почти нашла тебя...» — подумала она, проваливаясь в бездну, и провалилась. Алина закричала

снова, хватая мать за холодные руки, в то время как на экране ноутбука, оставленного без присмотра, все так же мерцала страница метрической книги 1889 года, где чья-то невидимая рука, казалось, только что вывела знакомую фамилию.

Глава первая: Сквозь толщу времён.

Деревня Лисиха, осень 1889 года.

Очнулась Рената от резкого, непривычного запаха — густого духа дыма, прелого сена и парного молока, словно её окунули в колыбель прошлого. Веки с трудом поднялись, и вместо привычного серого московского неба, что нависало над городом беспросветной пеленой, она увидела низкий, прокопчённый потолок избы, чьи-то лица. Сквозь мутное оконце, затянутое бычьим пузырьём, едва пробивался бледный свет осеннего утра. Где-то за стеной надрывно вздыхала чужая баба, гремел чугунок, и пахло кислым хлебом — так пахнет только беспросветная, тягловая крестьянская доля.

Первая мысль, острая, как щепка под ноготь, пронзила сознание: дети. Где они? Сердце забилося в горле пойманной птахой, но тело, налитое свинцом усталости, не слушалось. Рената лежала на жёсткой лавке, укрытая рваным зипуном, и силилась понять: явь это или морок?

Первые дни слились в мучительный и странный сон — словно блуждание по лабиринту ночных кошмаров, где каждый шаг отдавал в висках стоном. Её, обессиленную и обезумевшую от горя разлуки, приютил пожилой крестьянин с

пронзительными, мудрыми глазами, походившими на древние лесные озёра. Он оказался человеком неординарным, с пытливым умом, и с добрым сердцем. Однако в его избе царило непоправимое горе — словно чёрные тучи навсегда застили небо: угасала Дарья, жена его старшего сына Ермолая.

Дарья таяла на глазах, словно восковая свеча на ветру. Тяжёлые роды подорвали её и без того небогатырское здоровье; кровь ушла, а с нею ушла и жизненная сила. Местная знахарка, сухая старуха с цепкими пальцами, похожими на корни столетней ивы, уже бормотала над роженицей древние заговоры, шептала на угли и соль, но ничего не помогало — Дарья ускользала, как вода сквозь пальцы. А тут ещё Мавра, махонькая дочка, страдала от поноса и нехватки питания — плач её был тонок, и сердце старших разрывалось на части.

Рената, будучи матерью, не смогла вынести беды дитя и предложила помощь. Сперва крестьяне отнеслись к ней с недоверием — городская, худосочная, чего она смыслит в деревенских хворях? Но отчаяние отца было сильнее. И тогда Рената, вспомнив уроки прошлого, применила простейшее, но забытое здесь средство. Взяв козье молоко — благо в деревне держали коз, — она, вскипятив, процедила его сквозь чистый кусок холста, разбавила кипячёной водой и стала поить девочку с ложки, капля за каплей. Знахарка, поначалу косившаяся на чужие порядки, признала мудрость в кипячении воды — «чтобы немочь в ней не водилась».

Постепенно ребёнок, словно воскресший, порозовел ще-

ками. Благодаря общим усилиям Ренаты и старухи-травницы Мавра выздоровела и стала набирать вес. Но Дарья — увы — ушла. Тихо, без крика, словно последний лист, сорвавшийся с голого дерева в ноябре. Рената сидела у её изголовья до последнего вздоха, гладила ледяную руку, шептала слова утешения. Когда душа Дарьи отлетела, в избе повисла такая тишина, какой Рената не слышала никогда в шумной Москве — звенящая, вселенская пустота.

Успокоив семью, Ермолай нашёл в себе силы жить дальше. Жизнь, словно река, переждав пороги, потекла ровно. Рената, помня уроки санитарии из своего времени, настояла на строгом правиле: отныне в семье пили только кипячёную воду, словно живительный источник, и всегда мыли руки перед едой, будто совершали священный ритуал очищения. Так в доме прекратился понос, который долго мучил и забирал многих, словно злой дух, наконец изгнанный за порог.

Позже, из обрывков разговоров, Рената узнала историю этой забытой богом деревеньки и имя крестьянина, что приютил её. Его звали Мелентий. Неужели?! Лисиха, таково было название деревни. Она была основана давно — уж и не помнят кем. Говорили, будто некий Фадей, промышляя охотой в здешних лесах, встречал тут множество лисиц; шкуры их ценились на ярмарках дороже иного добра. Так и приросло название, будто само время выткало его из лесных троп и звериных следов. Однако к исходу девятнадцатого ве-

ка жизнь в деревне, словно старая закалённая мельница, по-прежнему вращалась в суровой, неприхотливой круговерти. Деревня приютилась на правом берегу речки Мотры, что в двадцати семи верстах от уездного города Вязники. Вокруг раскинулись леса, поля-без донья и та особенная, щемящая красота среднерусской души, что, затаившись, выдыхала дыхание из самых глубин земли.

Но ни эта земная красота, ни новые, навалившиеся заботы не в силах были унять в сердце Ренаты тоску по детям. По ночам, когда изба погружалась в безмолвный сон, когда даже сверчок за печью умолкал, она лежала на своей лавке, вглядываясь в чернильную тьму, и шептала их имена, словно молитву, словно заговор, способный пробить броню столетия:

— Алина Митя. Где вы, мои кровинки? Чувете ли, что мать жива? Что каждую, каждую секунду душа ваша со мной? Только бы вы были живы. Только бы живы...

Слёзы беззвучно катились по щекам, падали на жёсткую подстилку из сена, и Рената закусывала край тулупа, чтобы не завывать в голос — по-звериному, по-волчьи, как воют матери, потерявшие своих детёнышей в лесу. А за окном шуршал листопадом ветер, гнал по реке Мотре холодную рябь, и казалось, что сама осень плачет вместе с ней над этой историей, вырванной из времени.

Глава вторая: Меж двух берегов реки времён.

Осознание пришло не сразу.

Целый месяц Рената прожила у Мелентия как в тумане — делала, что велели, поила Мавру молоком, меняла пелёнки, помогала по хозяйству, но сама себе казалась чужой тенью, залетевшей в этот век случайным сквозняком.

Первые недели она почти не спала, не плакала, не думала — просто существовала, как заводная кукла. Шок держал её в оцепенении, не давая провалиться в отчаяние. Она механически кивала, когда с ней говорили, кипятила воду, утирала слёзы Анке, кормила Илюшу кашей.

И всё это время где-то глубоко внутри теплилась безумная, детская надежда: «Вот сейчас закрою глаза — и открою уже в Москве. У себя на диване. А дети спят в соседней комнате».

Но этого не случилось.

И вот уже жизнь в избе вошла в свою новую, непривычную колею. Вчера Мелентий попросил её зашить Ермолаеву рубаху. Сегодня утром Анка сама потянулась к ней расчесать волосы. Илюша больше не плакал, когда она брала его на руки. Мавра поправилась — розовощёкая, гукающая, совсем не похожая на того сморщенного, умирающего сверчка,

каким была месяц назад.

Рената сидела на крыльце, смотрела, как плывет деревенская жизнь и вдруг поняла — всем телом, каждой косточкой, каждой клеткой поняла: она останется здесь. Навсегда. Никто не придёт за ней. Никакая машина времени не вынырнет из леса. Она не проснётся в своей квартире, не услышит, как Алина спорит с ней про планшет, не увидит, как Митя гоняет мяч по коридору. Этого больше не будет. Никогда. Она замерла, прижав ладонь ко рту, чтобы не закричать. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Взгляд упал на чёрный от копоти сруб соседней бани, на телегу, гружёную копнами, на мужика в лаптях, бредущего по грязи.

И она вдруг увидела это не как картинку из исторического фильма — а как свою реальность.

Навсегда.

«Это не сон, — прошептало что-то внутри ледяным голосом. — Ты не в Москве. Ты не в своём веке».

Она замерла, прижав ладонь ко рту, чтобы не закричать. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев.

«Алина Митя — мысли заметались, как звери в клетке. — Они там. В будущем. А я здесь. Навсегда? Господи, да как же так?»

Рената закрыла глаза и приказала себе дышать. Вдох — выдох. Ещё. Ещё. Истерика — роскошь, которую она не мо-

жет себе позволить. Здесь, в этом веке, слабых не жалеют.

— Значит так, — прошептала она одними губами. — Ты теперь здесь. И тебе выживать. Ради них. Ради детей. Ты вернёшься. Но сначала — живи.

Она не знала, вернётся ли на самом деле. Но это «вернёшься» стало единственной ниточкой, за которую она могла ухватиться, чтобы не утонуть в отчаянии.

Дом у Мелентия стоял крепкий, рубленый из вековых сосен, с резными наличниками — видно, не бедствовали раньше. Внутри было две горницы, разделённые тёсаной перегородкой. В первой — русская печь, длинные лавки, стол да божница. Во второй — поменьше, для детей да для тишины. Двор просторный, с крытым подворьем для скотины. Хозяйство — бык, три коровы, пяток овец, коза да куры.

Рената огляделась и поняла: здесь жили не впроголодь. Но смерть Дарьи всё обрушила, как подточенный червями сруб.

В тот же день Мелентий сам подошёл к ней. Раньше ей было не до того: мысли путались, женщина умирала, дитя плакало. А теперь Рената смогла его разглядеть как следует. Старик стоял слегка сутулясь. Рубаха из серого домотканого холста, подпоясанная витым пояском, висела свободно, но под ней угадывалась крепкая, жилистая стать. Руки — большие, узловатые, с набухшими венами — выглядели спокой-

ными, привыкшими к труду. Лапти плотно перевиты лыком, штанины заправлены в онучи. Седые волосы, чуть длиннее обычного, падали на лоб прядями — не спутанными, а постариковски мягко. Но главное было в лице. Глубокие морщины изрезали его вдоль и поперёк: у губ, на переносице, у висков — тяжёлые складки, выточенные солнцем, ветром и бессонницей. А сквозь них глядели глаза — голубые, добрые, чуть прищуренные. Такие глаза не спрашивают строго — они слушают и помнят. И оттого, даже когда старик молчал, казалось, он тихо говорит тебе что-то важное...

Он заговорил негромко, с расстановкой:

— Слушай сюда, милая. Я старый человек, меня не обманешь. Ты не здешняя. Не то чтобы из города — из другого места вовсе. Иной свет от тебя идёт, не нашенский. Я таких чуял только раз в жизни, на Афоне ещё, в молодости. Чужак ты здесь, это всякий увидит. Но чую я в тебе кровь не нашу, а всё же родную. Почему — не скажу, а сердце чувствует. И девку мою внучку ты спасла — Мавру. А это для меня дороже золота. Дарья померла — царствие ей небесное, — а без бабьих рук в дому пропадёшь. Дети Ермолая сиротами растут. А ты матерью была — я вижу. Глаза у тебя такие материнские. Оставайся. С детьми в малой горнице жить будешь. Нянькой им, лекарем — коли умеешь. Ермолай — старик махнул рукой, — он обойдётся. Не злой он. Битый горем. И дети у него: Петька — двенадцать годков, парень уже работник; Анка — десять, девка смышлёная; да Илюшка — трёхлетний, вовсе

дителя. К ним и встанешь. Место тебе будет. И хлеб — тоже.

Рената слушала молча. В горле стоял ком. Она не заплакала — только кивнула. Слов благодарности не нашлось. Мелентий и так всё понял.

Детей Рената увидела в тот же вечер. Пётр — угловатый, серьёзный не по годам, с отцовыми светлыми волосами. Анка — тихая, большеглазая, всё жмётся к стене, мать помнит. Илюша — белобрысый, с пальцем во рту, который потерянно тарачился на чужую тётку. И Мавра — младенец, что ранее она выходила.

— Здравствуйте, — сказала девушка, рассматривая детей.

Пётр исподлобья глянул, промолчал. Анка спряталась за брата. А Илюша вдруг потянулся к Ренате ручонками, будто что-то почуял. Она взяла его на руки — лёгкого, как перышко, — и он затих, прижавшись к её плечу. Мавра посапывала в колыбели. «Будет тебе молоко кипячёное, — подумала Рената. — Будет каша на козьем молоке. Выходим и всех подлечим. А там — видно будет».

Поселили её в малой горнице, с детьми. Лавка для неё, рядом — люлька с Маврой. Илюши с Анкой на печи. Пётр с отцом и дедом в другой комнате, отделенной перегородкой. Тесно, темно, но тепло от печи.

Ермолай не принял её.

Он вернулся с поля на закате — высокий, статный, светлые волосы выбились из-под очелья, глаза серо-голубые, но тусклые, печальные, как осеннее небо. В них не было жизни — только усталость и глухая, затаённая боль.

Увидел Ренату у печи — и замер. Руки сжались в кулаки.

— Это кто? — спросил он глухо, не глядя на неё, а на отца. — Та самая? Что в доме поселилась?

— Та самая, — спокойно ответил Мелентий. — Остаётся. Сказал уж.

— Не надо мне чужой бабы в доме! — голос Ермолая сорвался на хрип. — Дарья моя одна была. Я другой не надобно. А эта сгинула откуда? Ни рода, ни племени. Кто её знает, что за человек? Детям моим чужая баба — не мать. Не нужна она мне. Не нужна!

— А тебя кто спрашивает? — Мелентий не повысил голоса, но в тишине избы каждое слово прозвучало как удар кнута. — Я тут хозяин, пока жив. Она детей от недуга спасла, Мавру твою. Ты бы её похоронил уже, кабы не она. А теперь молчи и терпи. Жить будет в малой горнице. Детей нянчить. Лечить. Не жена она тебе — нянька. Иди проспись, Ермолай.

Ермолай шагнул к Ренате — тяжело, зло. Она не отступила. Стояла, прижимая к себе Мавру, и смотрела прямо в эти тусклые, печальные глаза. Илюша метался меж них.

— Ты здесь чужая, — сказал он тихо, с такой ненавистью, от которой у Ренаты похолодела спина. — Запомни. Чужая. И никогда своей не станешь.

Повернулся и вышел, не хлопнув — притворил дверь плотно, глухо.

В ту ночь Рената не спала. Лежала в малой горнице, слушала, как тяжело дышит Мавра, как всхлипывает во сне

Илюша да Анка жась друг другу. И думала:

«Он потерял жену. Я потеряла детей. У нас одна боль на двоих, но он видит во мне врага. Потому что я — чужак. Потому что я — живое напоминание о том, что Дарья не вернётся. И он прав: я здесь чужая. Но я не уйду. Я обещала себе и Дарье— ради детей. Ради своих. Ради ее. Буду жить. Буду дышать. Буду делать то, что умею — лечить, кормить, терпеть. А там — будь что будет».

А за окном река Мотра всё так же катила свои воды — из прошлого в будущее, из будущего в прошлое, не разбирая, где какой берег.

Глава третья: След из будущего.

Время текло, как река, уносящая свои воды вдаль, — неслышно, смывая острые углы прошлого.

Рената привыкала к новой жизни, как привыкают к хромоте — больно, но терпимо, если не смотреть вниз. Дети больше не дичились. Илюша сам тянул к ней руки по утрам, Анка доверчиво прижималась, когда Рената расчёсывала ей спутанные волосы. Даже угрюмый Пётр однажды молча подошел к ней табурет, не сказав ни слова — и это было дороже любых благодарностей.

Ермолай оставался холоден.

Они почти не разговаривали: он входил — она бесшумно выходила. Она ставила еду на стол — он ел, не поднимая глаз. Но хотя бы перестал шипеть при её появлении.

Сегодня Мелентий с утра собирался на ярмарку в Вязники. Надел чистую рубаху, взял короб с мёдом и вязанку шкур — менять на соль да на гвозди.

— Ты, — сказал он Ренате перед уходом, — приберись в горнице. Да в том сундуке, что в углу, перебери. Добро не должно пропадать, а память — ржаветь. Тряпьё старое выкинь, что гожей — сложи отдельно.

— Хорошо, — кивнула Рената, вытирая руки о передник. Мелентий помедлил на пороге, глянул на неё как-то осо-

бенно — пристально, будто хотел что-то сказать, но передумал. Что-то промелькнуло в его выцветших глазах — не то печаль, не то запоздалое сомнение. Потом вышел, притворив за собой дверь.

Рената дождалась, пока Ермолай уйдёт в поле, уложила Мавру спать, выпроводила Илюшу с Анкой на двор. Пётр возился у сарая, чинил оглоблю.

Она осталась одна.

Сундук стоял в дальней части горницы, в самом тёмном углу, накрытый домотканой половицей. Рената откинула тряпку, поддела крышку — та нехотя поддалась, скрипнув проржавевшими петлями.

Внутри пахло деревом, нафталином и временем. Верхний слой: старая домотканина, рваные зипуны, лапти. Всё это Рената аккуратно переложила на пол, сортируя — одно на выброс, другое на тряпки, третье на носку. Дальше пошли вещи поновее: женский сарафан, расшитый по подолу — видно, Дарьин. Рената прижала ткань к лицу, вдохнула слабый, почти ушедший запах.

Рука нащупала что-то грубое, непривычное. Не домотканое, не льняное. Другая фактура.

Рената нахмурилась, потянула на себя. Свёрток выскользнул из сундука и развернулся сам, упав на пол. Девушка замерла. Время остановилось.

Перед ней лежала солдатская гимнастёрка. Не того края,

что она видела в музеях имперских времен, а другая.

Выцветшая, почти серая, с застиранными пятнами на груди и рукавах. Пятна были тёмными, бурыми. Кровь. Старая, въевшаяся в ткань, чёрная от времени кровь. Гимнастёрка была прорвана под левым ребром. Рядом лежала полевая сумка — кожаная, потёртая. Рената дрожащими пальцами расстегнула клапан.

Внутри — письмо-треугольник и маленькая чёрно-белая фотокарточка. Она развернула треугольник первым. Чернила выцвели до бледно-синего, почерк торопливый, но разборчивый.

- «Здравствуй, моя родная Катерина. Дети как. Пишу вам из-под Ленинграда. Жив пока. Вторую неделю стоим в обороне. Немец ломится, но мы держимся. Трудно, ох как трудно. Есть нечего, патроны бережём. Снаряды рвутся день и ночь. Вы не беспокойтесь. Я живой, и это главное. Вы там держитесь. Я вернусь. Обязательно вернусь. Фотокарточку свою посылаю, пусть дети помнят. Может, свидимся ещё, а может, и нет. Но я вас люблю. Всех. Если не вернусь — не поминайте лихом. Немца надо бить. 1941 год. Сентябрь. Ленинградский фронт.»

Рената дочитала и опустила онемевшие руки на колени, позабыв дышать. Тишина звенела в ушах, сменяясь нарастающим гулом крови. Слезы текли по щекам — беззвучные, она даже не пыталась вытирать их. Почти теряя сознание от нахлынувшего мистического ужаса и восторга.

Девушка поднесла фотокарточку к глазам. Она вглядывалась в нее сквозь пелену слез, боясь поверить. С пожелтевшей бумаги на нее смотрел молодой мужчина лет двадцати девяти. Светлые волосы, примяты военной фуражкой. Глаза прищурены, такие она видела каждое утро у Мелентия и Мити.

-Как так, - прошептала она сорванным голосом. — Это не должно быть здесь.

Скрипнула дверь раздирая вязкую тишину на куски.

Глава четвертая: Нить, связавшая век.

Рената вздрогнула всем телом, судорожно вздохнула и резко обернулась, инстинктивно пытаясь спрятать письмо.

На пороге, заслонив собой проём, стоял Мелентий.

Он не уехал. Вернулся.

Мелентий стоял, вцепившись взглядом в неё, сидящую на полу в окружении вещей, и на его суровом, изрезанном морщинами лице не было ни удивления, ни гнева. Только странное, сродни облегчению, спокойствие. И ожидание. Тяжелое, густое, как патока. Будто он знал, что сейчас увидит, будто ждал этого момента долгие годы.

— Ты нашла, — произнес он не вопросом, а глухой, утвердительной констатацией.

И, отлепившись от косяка, тяжело шагнул в горницу. Половицы застонали под его весом.

Рената подняла на него заплаканные, блестящие глаза. В горле пересохло, но она заставила себя говорить.

— Вы знали, — выдохнула девушка сдавленно. Голос её зазвенел обвинением. — Вы знали, что здесь это лежит. Вы специально меня послали.

Мелентий медленно, будто преодолевая сопротивление,

кивнул. Он тяжело подошёл, опустился на лавку напротив неё, так, что их лица оказались почти на одном уровне, и положил руки на колени, переплетя пальцы в замок.

— Знал, — сказал он тихо, почти шёпотом, но каждое слово звучало весомо. — И послал. Прости. Хотел посмотреть, как ты на это отзовёшься. Что почувешь. Не ошибся ли я в тебе.

— Откуда? — голос Ренаты дрожал, рвался, но она сдерживалась из последних сил. — Откуда здесь его вещи? Вашего... — Рената запнулась на полуслове, прикусив губу.

В горле застряли слова «правнука». Она мучительно сомневалась, стоит ли раскрывать карты, стоит ли рассказывать, что этот мальчик, смотрящий с карточки, — его прямой потомок, его кровь и плоть. Не сочтет ли старик её сумасшедшей? Не разрушит ли эта правда хрупкий мост между ними?

Мелентий помолчал. Он поднял на неё глаза — голубые, чуть прищуренные, окруженные сеткой старческих морщин, те самые, что смотрели сейчас с чёрно-белой фотографии в её мокрой от слёз руке. В этот момент время окончательно сжалось, сломалось и свернулось в кольцо.

Старик перевел взгляд на замершую, потрясённую Ренату, и в его зрачках мелькнуло нечто древнее, всезнающее. Он усмехнулся краешком губ, но усмешка вышла печальной.

— Знаю, что ты скажешь, — произнес он глухо. — Верю. Давно уже верю. Потому и показал. Расскажи мне, кто он

тебе... и кто я.

Рената вздрогнула. Эти слова ударили в самую сердцевину — туда, где она уже много недель прятала правду, боясь даже дышать в её сторону.

Она молчала долго. Так долго, что тишина в горнице стала осязаемой, будто кисель, в котором вязли мысли. Мелентий не торопил. Он сидел напротив, положив натруженные руки на колени, и ждал — терпеливо.

— Я. — голос её сорвался, и она начала заново. — Я давно должна была вам рассказать. Очень давно. Но не могла. Боялась. Вы бы не поняли. Никто бы не понял.

Она судорожно вздохнула и подняла на старика глаза — зелёные, яркие, сейчас затуманенные слезами.

— Вы помните тот день? Когда я появилась у вас в доме?

Старик медленно кивнул, не сводя с неё пристального взгляда.

— Такое не забывается, — ответил он коротко.

— Я тоже помню, — прошептала Рената. — Я очнулась на лавке. В этом самом доме. Голова гудела, будто по ней ударили чем-то тяжёлым. В нос ударил запах — сухих трав, печного дыма. Чужой запах. Чужой дом. Чужие люди.

Она прикрыла глаза, и воспоминание нахлынуло с новой силой.

— Я лежала и не могла пошевелиться. Надо мной склонились лица — ваше, Мелентий, и Дарьино. Помню, какая она была измученная, бледная, но глаза — добрые, участливые.

А в углу жались дети, испуганные, молчаливые. Они смотрели на меня как на диковину. И немудрено...

Рената горько усмехнулась, проведя рукой по подолу теперешнего своего сарафана — грубого, домотканого.

— На мне была одежда, какой вы отродясь не видали. Рубашка — голубая, шёлковая, тонкая, как паутинка. Я такую ткань любила больше всего на свете. Она холодила кожу и струилась, как вода. И джинсы — штаны из плотной голубой ткани, облегающие, с потёртостями на коленях. Для вас это, наверное, казалось бесовским наваждением. А волосы — длинные, спутанные — разметались по лавке, как змеи. Я была чужой.

Она подняла на Мелентия мокрые глаза.

— Знаете, о чём я подумала в тот миг? Самое первое, что мелькнуло в голове, едва я смогла связать две мысли? «Они меня убьют. Примут за ведьму, за нечисть, за одержимую — и убьют». Но вы не убили. Вы дали мне кров, еду, заботу. Дарья выхаживала меня, как родную, хотя сама уже едва дышала. А когда она ушла... когда её не стало... вы оставили меня. Приняли, пусть и сквозь зубы.

Она замолчала, переводя дыхание. Мелентий слушал, не перебивая, только пальцы его, сцепленные в замок, всё сильнее сжимались.

— И вот тогда, — продолжила Рената тихо, — спустя несколько недель после похорон, когда всё улеглось и я осталась наедине с собой, с этим домом, с вами... тогда я начала

понимать. Доставать из памяти то, что знала раньше. Архивы. Метрики. Даты. Имена.

Она подняла на старика прямой, открытый взгляд.

— Я знаю, кто я для вас, Мелентий. Знаю уже много недель. И молчала всё это время не потому, что хотела обмануть. А потому, что вы бы сочли меня безумной. Скажите честно: если бы я заявила вам, что я ваша праправнучка из будущего, — что бы вы со мной сделали?

Мелентий долго молчал, глядя на неё исподлобья. Потом хмыкнул — невесело, с горчинкой:

— Запер бы. И попа позвал. Авось отмолил бы.

— Вот именно, — Рената грустно улыбнулась. — Поэтому я и молчала. Носила правду в себе, как болезнь. Каждую ночь лежала без сна и думала: как им сказать? Какими словами? Чтобы не разрушить всё, что худо-бедно сложилось? Чтобы не испугать?

Она тяжело вздохнула и развела руками.

— А теперь вы сами меня спросили. Значит, время пришло. Значит, вы готовы слушать. И я расскажу. Что этот мальчик, Дима, — он мой прадед. Он пропал без вести в страшной войне, которая ещё даже не началась здесь, но уже отгремела там, откуда я пришла. И это письмо, что не успел он отправить родным, здесь. И его кровь — это моя кровь, ваша кровь, вашего сына и внука Мишки. Как бы безумно это ни звучало.

Она опустила голову, чувствуя, как силы покидают её. Всё

было сказано, не вдаваясь в подробности, а только нужные слова и ответы на вопросы старика. Теперь оставалось только ждать.

И в этот момент скрипнула дверь — та, что вела из холодных сеней.

На пороге стоял Ермолай. Он вернулся раньше и был здесь, за стеной, всё это время. Лицо его, обветренное и суровое, было бледным, как снег за окном.

— Батя, — голос его дрогнул. — Это всё правда? Димка говорил правду?

Глава пятая: Встреча.

Мелентий медленно кивнул. Ермолай перевёл дыхание, провёл ладонью по лицу и снова повторил:

— Димка правду говорил.

Рената замерла. Подняла голову и уставилась на Ермолая.

— Что? — выдохнула она. — Что вы сказали?

— Димка, — повторил Ермолай. — Тот самый. Солдат, про которого ты рассказывала. Он три года назад у нас объявился.

— Три года? — прошептала Рената. — Он здесь уже три года?

— Три года, — кивнул Мелентий. — Явился под Вязниками. Сам не понял, как и откуда. Кругом война была, Ленинград, снаряды... Рассказывал он. А тут — тишина. Поле. Птицы. Он подумал — контузия, бред. Потом людей нашёл. Его в лазарет свезли.

— А он? — спросила Рената.

— А он прикинулся беспмятным, — хмыкнул Ермолай. — Сказал врачам: ничего не помню, ни имени, ни откуда родом. Те поверили. А как окреп — сбежал.

— Он местность знал, — добавил Мелентий. — Знал тут каждую тропку, каждый овраг. И в Вязниках бывал не раз. Потому и добрался. Вышел к нашему дому, встал на пороге...

— Я помню, — подхватил Ермолай. — Худой, оборванный, глаза дикие. В руке свёрток. И говорит: «Я ваш. Родня. Из будущего. Сорок первый год. Ленинградский фронт». Мы с батей остолбенели. Хотели гнать, а он не уходит. Смотрим — и видно: не врёт.

— И что вы сделали? — спросила Рената.

— Определили в крайний дом, — ответил Мелентий. — Он пустой тогда стоял. Димка сперва дичился, от каждого стука вздрагивал. А потом прижился. Понемногу стал своим. А год назад в город ушёл, службу нашёл. Обещался на побывку скоро.

Мелентий помолчал и посмотрел на Ренату — прямо, без прежней настороженности.

— Ты рассказала нам то, что три года назад рассказал он. А похоже — будто один человек говорил. Война та же. Ленинград тот же. Слова те же. И главное — оба вы нездешние. Скоро увидите.

Наступил ноябрь.

По утрам земля уже звенела под ногами, лужи затягивало льдом. Рената жила в странном, зыбком ожидании. Дмитрий. Её прадед. Живой. Скоро придёт. Она повторяла это каждый вечер, но до конца не верила.

В то утро она вышла во двор за водой и замерла.

У калитки стоял человек. Высокий, с военной выправкой. Русые волосы примяты фуражкой. За спиной — тощий ве-

щевой мешок, какие носили красноармейцы.

Он увидел её и остановился.

Рената никогда не видела этого лица в живую. На фотокарточке был запечатлён молодой парень двадцати девяти лет, а сейчас перед ней стоял мужчина постарше. Это был он, прадед Дима.

Дмитрий смотрел на неё — и видел бабу в деревенском сарафане и платке. Но что-то в ней было чужое. Не тутошнее. Не здешнее. То, что не спрячешь под сарафаном: осанка, взгляд, неуловимая манера держать голову. Он чувствовал это нутром.

— Вы... — начал он и осёкся. — Откуда вы?

— Вы Дмитрий, — сказала она не вопросом. — Дмитрий Михайлович Немов. Сорок первый год. Ленинградский фронт.

Солдат вздрогнул.

— Откуда вы знаете? — выдохнул он. — Кто вы?

Рената хотела ответить, но не успела. Скрипнула дверь. На крыльцо вышел Мелентий, запахнув тулуп.

— А, Димка, — сказал он спокойно. — Явился наконец. Знакомься. Это Рената. Она тоже из будущего. Только не из твоего. Из две тысячи двадцать шестого вроде.

Дмитрий перевёл взгляд на старика, потом снова на женщину у колодца.

— Из... какого? — переспросил он севшим голосом.

— Из двадцать шестого, — повторил Мелентий. — Почти

век после тебя. Но родня наша одна. Иди в дом, чего на морозе стоять.

Дмитрий не двинулся с места. Он смотрел на Ренату, и в глазах его читалось смятение.

— Но... как? Как вы здесь оказались?

— Так же, как и вы, — тихо ответила Рената. — Сама не знаю. Очнулась — и всё. Другой мир. Другое время. Только вы на три года раньше.

Дмитрий помолчал, переваривая услышанное.

— А вы... — он запнулся. — Вы правда из двадцать шестого? Там что, нет уже... войны?

— Нет, — покачала она головой. — Той войны нет. Давно кончилась. В сорок пятом. Вы победили.

Он выдохнул — длинно, прерывисто. Ничего не сказал, только кивнул, будто самому себе.

Рената смотрела на него и вдруг поймала себя на странной, неуместной мысли. Ей тридцать шесть. Ему — тридцать два. Она смотрела на этого мужчину, на своего прадеда, который по всем законам должен был быть старше её на несколько поколений, и с удивительной чёткостью осознавала: она старше его. Он — солдат, прошедший ад, закалённый войной, но ему всего тридцать два. А ей — тридцать шесть. Она годится ему в старшие. Эта мысль была до того нелепой, до того невозможной в любых других обстоятельствах, что Рената чуть не рассмеялась.

— Сколько вам... тебе лет? — спросила она вдруг, хотя

уже знала ответ.

— Тридцать два, — ответил он, всё ещё сбитый с толку.
— А что?

— Ничего, — она покачала головой. — Просто... мне тридцать шесть. Я старше вас. Вы мой прадед, а я старше.

Дмитрий моргнул. Осмыслил. И вдруг уголки его губ дрогнули — не то в улыбке, не то в гримасе растерянности.

— Вот ведь как бывает, — пробормотал он. — Прадед, а в братья гожусь.

— Идите в дом, — снова позвал Мелентий, и в голосе его слышалась усмешка. — Там разберётесь, кто кому кем годится. Нечего на всю деревню.

Дмитрий кивнул и подошёл ближе. Остановился в двух шагах от Ренаты. Они стояли друг напротив друга — двое из разных времён, из разных веков, но одной крови. Он — солдат, вырванный из огня сорок первого, тридцати двух лет от роду. Она — женщина из немыслимого далёко, тридцати шести лет, где летают самолёты быстрее звука и телефоны умещаются в ладони. И между ними лежала пропасть в восемьдесят пять лет — и всего четыре года разницы.

— Двадцать шестой год, — повторил он тихо, будто пробуя эти слова на вкус. — Значит, вы моя...

— Правнучка, — кивнула Рената.

Он хмыкнул — растерянно — и вдруг протянул ей руку. Не за чем-то. Просто поздороваться. Как земляк земляку. Как родной родному.

— Ну, здравствуй, правнучка, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответила Рената, и голос её дрогнул.

Они пошли к дому — через скрипучий снег, через ноябрьский морозный воздух, через время, которое перестало иметь значение.

Глава шестая: Разговор у печи.

Они вошли в избу. Мелентий уже сидел у печи, протянув к огню узловатые, натруженные руки. Ермолай, вернувшийся с поля раньше обычного, чинил упряжь в углу, но, увидев Дмитрия, отложил работу. Детей собрали всех разом: Петька, по-взрослому серьёзный и молчаливый, пристроился на лавке у двери; Анна уселась на полу, обхватив колени руками; Илюша привычно забрался к Ренате на колени, а Мавра спала в люльке, посапывая во сне.

Мелентий долго молчал, глядя в огонь, а потом вдруг повернулся к Дмитрию и кивнул:

— Ну, Димка, рассказывай. Да без утайки ведай, до мелочи. А опосля и твой черед, Рената. Война у вас была? Ты видел, а ты слышала?

Дмитрий медленно поднял глаза. Он сидел на низкой скамеечке у двери, сцепив руки в замок, и молчал так долго, что Петька уже подумал — не ответит. Но он ответил.

Он рассказывал о сорок первом годе. О Ленинградском фронте. О том, как их часть стояла под Стрельной, как ждали подкрепления, как немец прорвал оборону, и всё смешалось в грохоте, дыму и криках. О том, как его накрыло взрывной волной, и он очнулся уже здесь — в поле, под Вязниками, среди мирных копён и осенней тишины.

— Я сначала подумал — умер, — повторил он слова, уже сказанные когда-то Мелентию. — Но нет. Живой. Только в другом времени. Сперва в лазарете лежал, прикидывался беспмятным. Потом ушёл. Местность я знал — здесь мой дед жил, Иван Немов. Вот нашёл. И остался.

Дети на полатах замерли, боясь дышать.

— А что такое фронт? — спросил Илюша сонно, но настойчиво.

— Фронт — это страшно, маленький, — глухо ответил Дмитрий. — Молись, чтобы никогда не узнать.

Он помолчал. Потом заговорил снова — уже о другом. О Катерине. Об отце Мишке, что нынче еще подросток. О своих детях. О том, как ждал от них писем и боялся, что они не дождутся.

И тогда Рената, сидевшая у печи с Маврой на руках, тихо произнесла:

— Мы с Дмитрием оба верим, что не вернёмся. Я здесь уже несколько месяцев, он — три года. Если бы могли вернуться — давно бы вернулись. А раз так значит, можно рассказывать.

— Почему можно? — спросил Петька, забыв, что должен спать.

— Потому что наш рассказ ничего не изменит, — ответила Рената. — Ни здесь, ни там. Мы как листья, унесённые ветром в чужой лес. Шумим о том, что видели, а лес всё равно будет жить своей жизнью.

— Это ты верно сказала, — проронил Мелентий.

Она выдержала паузу и продолжила. Говорила о том, что знала из семейной памяти: Катерина пережила войну, вырастила детей. Его дочь — бабушка Ренаты — прожила не так долго. Внуки, правнуки. Как сложилась их жизнь. Рассказывала Рената, что знала и помнила. Как начала поиски информации о них, что сейчас сидят перед ней живыми. Отвечала на вопросы.

— Катерина ждала вас, — сказала она. — Она так и не вышла замуж второй раз. Говорила: «Мой Димка живой, я знаю».

Дмитрий опустил голову. Плечи его дрогнули. Ермолай молча подошёл и положил ему руку на плечо — тяжело, по-мужски.

— А ты, — вдруг повернулся Дмитрий к Ренату. — Ты сама-то как? У тебя ведь дети там остались. В этом твоём двадцать шестом.

Рената прижала к себе спящую Мавру и долго молчала, глядя в огонь.

— Двое, — сказала она наконец. — Алина и Митя. Алине пятнадцать, она умная, дерзкая, красивая. Митя маленький, ему восемь. Когда всё случилось, я сидела за компьютером, искала сведения о Мелентии. Алина кричала мне что-то из дверей, а я отмахивалась. Последнее, что она мне сказала — «мама, ты опять за своим колдовством». А я не обернулась.

Она замолчала, и в горнице стало слышно, как потрески-

вает берёзовое полено в печи, как тяжело вздыхает во сне Илюша.

— Это я виноват, — неожиданно произнёс Ермолай.

Все обернулись к нему.

— Ты-то в чём? — нахмурился Мелентий.

— Я когда её в первый раз увидел, думал — чужая, не наша. А теперь смотрю и вижу: она мать. Такая же, как моя Дарья. И дети у неё есть. И она по ним убивается не меньше, чем я по Дарье.

Он поднял глаза на Ренату и, запинаясь, добавил:

— Ты прости меня. За тот день. За «чужую».

Рената не ответила, только кивнула. У неё не было сил говорить.

Тишина снова сомкнулась над горницей, но теперь она была другой — не холодной и враждебной, как в первые недели после смерти Дарьи, а тёплой, почти родной.

— Масленица по весне, — вдруг вспомнила Анка с полатей. — Ма-ам, ты обещала блины.

— Будут блины, — улыбнулась Рената сквозь слезы. — И масло будет, и сметана. Всё будет по весне.

— Еще зима не расцвела, а ты уже о блинах прощальных. — Заулыбался Ермолай подмечая.

Мелентий поднялся и, глядя на огонь, произнёс задумчиво, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Вот ведь как Господь судил. Свёл разных людей под одной крышей. Из разных веков. Из разных судеб. А боль-то

у всех одна. И любовь одна.

Он повернулся к Ренате и Дмитрию:

— Раз уж вы тут, раз уж верите, что не вернётесь, — живите. Зима долгая, а потом весна. Весной посевная, летом страда. Жизнь идёт. И вы с ней идите. А мы уж с вами.

Дмитрий поднял на старика глаза:

— Спасибо, дед.

Мелентий только махнул рукой и пошёл стелить постель.

В ту ночь никто долго не спал. Рената лежала на своей лавке, прижимая к себе Мавру, и смотрела, как за окном, в чёрном ноябрьском небе, проступают бледные звёзды. Дмитрий ушёл к себе в крайний дом, но, проходя мимо оконца, едва слышно стукнул в раму — просто чтобы она знала: он рядом.

А в большой горнице, на полатах, Анна и Пётр шёпотом обсуждали услышанное. Илюша уже спал, но Анка всё ворочалась и наконец прошептала брату:

— Петь, а они правда из будущего?

— Правда, — серьёзно ответил Петька. — Ты слышала, что она про метро говорила? Под землёй поезда! А, что такое поезд? Это не выдумаешь.

— А Масленицу они с нами встретят? А поезд, это что?

— Встретят. Куда ж они денутся. Они теперь наши. А поезд Завтра спросим.

За стеною тяжело вздохнул Ермолай. Он тоже не спал. Он думал о Дарье, о детях, о Ренате, о странном солдате Димке, который носил ту же фамилию, что и он сам. И впервые за

долгое время молитва его была не просительной, а благодарной.

А река Мотра всё текла — сквозь ноябрьскую стужу, сквозь лёд и время, сквозь прошлое и будущее, соединяя берега, которым, казалось бы, вовек не встретиться.

Глава седьмая: Брат и сестра.

Утром Рената проснулась с тем же чувством, что и накануне: будто в груди что-то сдвинулось. Не прошло — нет, до этого было далеко, — но именно сдвинулось, дало трещину, через которую теперь просачивался слабый, но живой свет. Разговор у печи, ночные признания, Ермолаево «прости» — всё это, случившееся за одну долгую ночь, странным образом облегчило душу. Она больше не несла свою тайну в одиночку. Их было двое — она и Дмитрий. Один на двоих секрет, одна на двоих судьба.

Дни потекли своей чередой. Дмитрий обживал крайний дом у леса. Мелентий велел Ермолаю и Димке подлатать крышу, законопатить щели мхом, вставить новый пузырь в оконце. Остальные Немовы тоже помогали, как и Мишка — отец будущий Дмитрия. Странно это выглядело в глазах Ренаты с Димкой. И все же...

Печь новую сложили. А Димка службу решил оставить. В деревне стал помощником лесничего.

Деревенским сказали просто: Дмитрий и Рената — брат и сестра. Двоюродные. Из-под Владимира, из разорившейся семьи. Брат служил, сестра вдовела, а теперь вот прибились к родне. Легенда вышла складная, и вопросов ни у кого не возникло — в крестьянском мире вечно кто-то куда-то пере-

езжал, искал лучшей доли, терял и находил родню. Да и Мелентий слухи пресёк на корню: сказал на деревенском сходе, что люди они проверенные, работающие, и все тут.

Рената стала частой гостьей в доме у Дмитрия. Приходила почти каждый день — то помочь по хозяйству, то просто так. Обычно брала с собой Анну с Илюшей, а иногда и Мавру в люльке. У Димки было просторно, тихо и странно — пахло смолой и махоркой, на столе лежали остро заточенные ножи, а на стене висела полевая сумка, та самая, что когда-то была при нём на фронте. Дети его полюбили: Илюша норovil залезть Димке на плечи, Анна просила показать буквы — солдат умел читать и писать, и девочка, смышлёная не по годам, быстро выучила всю азбуку. Мавру Дмитрий брал на руки с какой-то особенной, щемящей осторожностью — Рената видела, как у него дрожали пальцы, когда он поддерживал головку младенца. Она понимала: он вспоминает свою дочь. Мишка с остальными ребятами тоже часто заходил. Уж больно интересные истории сказывал новый родственник.

Ермолай после того ночного разговора и вовсе переменялся. После рассказа Ренаты про детей. Когда голос её дрожал, а по щекам текли слёзы. Ермолай тогда замер, и в тот миг что-то перевернулось в его душе. Он понял: она не чужая. Она мать. Мать, потерявшая детей, как он потерял жену. Разве это не одна боль на двоих?

С того дня он перестал сторониться Ренаты. Заговаривал с ней по утрам, спрашивал о её делах, иногда даже совето-

вался — сколько соли класть в капусту, не пора ли забивать поросёнка. И когда следующим вечером все снова собрались у печи, Ермолай сам пододвинул Ренате чугунок с горячей кашей и коротко сказал:

— Ешь. Замерзла небось.

И в этом «ешь» было больше приязни, чем в иных длинных речах.

А через несколько дней, в воскресенье, деревня ожила. После обедни народ высыпал на улицу — молодёжь запрягла сани, и вскоре по заснеженной дороге, что вела из Вязников в Лисиху, покатил целый санный поезд: трое саней, гружённых парнями и девками, с бубенцами, с хохотом, с гармонью. Кони — сытые, в лентах, гривы заплетены. На передних санях правил Федька Рябой, первый гармонист на всю округу.

Направлялись в Кротиху — деревню дворов на тринадцать, что стояла на взгорке в семи верстах от Лисихи. Кротиха славилась на всю волость своей горкой: длинной, крутой, и отполированной десятками санок до зеркального блеска. Каждую зиму туда съезжалась молодёжь со всей округи — и вязниковские мещане, и крестьянские парни с девками из окрестных деревень. Катанье в Кротихе было не просто забавой, а целым событием: там знакомились, там высматривали невест, там бились на кулачках стенка на стенку, там под гармонь вызревали будущие свадьбы.

Дмитрий в то утро с Мишкой возился во дворе. Уж боль-

но по душе Мишке он был. Рената пришла с детьми, принесла горячего взвара в крынке. Илюша и Анка лепили снежки у забора, когда со стороны деревни донёлся перезвон бубенцов.

— Эй, Димка! — Федька Рябой осадил коня прямо у калитки крайнего дома. — Чего сидишь, как сыч? В Кротиху на катанье едем! С горки! Садись с сестрой, братом, подвезём!

Дмитрий хотел отказаться — не до гуляний, дел полно. Но дети уже бежали к саням, и Илюша кричал на всю улицу: «Ма-ам! На санках! Хочу на санках!» Анна умоляюще смотрела на взрослых, приплясывая от нетерпения, и устоять было невозможно.

Ехали через лес — снег искрился под низким декабрьским солнцем, ветки гнулись под белыми шапками, пар валил из конских ноздрей. Девки в санях затянули песню — сначала одну, потом другую. Рената не знала слов, но мелодия была протяжной и сладкой, как патока, и что-то в ней щемило сердце. Анна подпевала тоненьким голоском, а Илюша, закутанный в тулупчик, крутил головой по сторонам, разглядывая заснеженный лес. Рената вдруг поймала себя на мысли, что впервые после того ночного разговора чувствует не тоску, а просто жизнь — холодную, снежную, громкую, но живую жизнь.

В Кротихе былолюдно. Высокая горка, залитая водой, блестела на солнце. Вся деревенская молодёжь собралась

там: катались на рогожках, на ледянках, кубарем летели в сугробы, визжали, хохотали. Федька Рябой наягривал на гармони, и несколько пар уже пустились в пляс прямо на утоптанном снегу. Пахло лошадьми, морозом и печным дымом из труб. На краю горки стоял старый дуб, весь облепленный инеем, и на его ветвях гроздьями висели снегири — красно-серые, важные, никуда не торопящиеся.

Дмитрий катал Илюшу на санках — мальчишка визжал от восторга, когда сани, подпрыгивая на ухабах, неслись вниз. Анна убежала с кротихинскими девчонками кататься с горки — те уже приняли её в свою компанию. Рената стояла в стороне, закутавшись в платок, и смотрела на всё это с чувством нереальности происходящего.

— Ну что, сестра, — подошёл к ней Дмитрий, запыхавшийся, со снегом в волосах. — Признавайся: у вас в будущем тоже так веселятся?

— У нас в будущем, — тихо ответила Рената, — катаются на плюшках и сноубордах. Но кричат точно так же. И падают точно так же. И смеются.

Димка хмыкнул и хотел что-то ответить, но тут к ним подошёл высокий статный парень в добротном овчинном тулупе. Лицо открытое, улыбчивое, но с хитринкой.

- Димка Немов? — спросил он, протягивая руку. — Слышал о тебе. Ты у лесничего служишь? Я Степан Кротов, старосты сын. Ты бы заглянул к нам на днях — батя хотел про делянки поговорить, что у Медвежьего оврага.

— Загляну, — коротко кивнул Дмитрий, пожимая руку.

— А это, стало быть, сестра твоя? — Степан перевёл взгляд на Ренату, и в его глазах мелькнуло что-то оценивающее, но не грубое — скорее любопытное. — Наслышан. Говорят, она у вас знахарка знатная. Детей Мелентьевых выходила.

Рената сдержанно кивнула, не зная, что отвечать. К счастью, Степан не стал допытываться — его окликнули приятели, и он, махнув рукой на прощанье, умчался к горке.

На обратном пути, когда сани уже катили по сумеркам через лес, Илюша уснул на руках у Ренаты, утомлённый гуляньем. Анна тихо сидела рядом, привалившись к её плечу, и смотрела, как в небе загораются первые звёзды. Мишка сидел возле Димки.

— Хороший день, — вдруг тихо сказал Дмитрий, правя лошадю.

— Хороший, — согласилась Рената.

И добавила про себя: «Сто тридцать шесть вёрст от дома — а будто он рядом». Сто тридцать шесть — не расстояние, а время. Сто тридцать шесть лет, разделяющих её Москву и эту ноябрьскую дорогу через заснеженный лес. Сто тридцать шесть — как символ всего, что она потеряла, и всего, что неожиданно обрела.

А сани всё катили сквозь синие декабрьские сумерки, сквозь время, давшее трещину, — и в тёплой тяжести уснувшего ребёнка на руках у Ренаты слышалась уже не тоска,

а простая, горькая и светлая вещь: жизнь. Жизнь, которая текла не назад и не вперёд, а вглубь, где сто тридцать шесть вёрст сжимались в один удар сердца, в один долгий выдох пара на морозном воздухе, — и не было больше ни прошлого, ни будущего, а только двое в санях, спящие дети и дорога, которой они почему-то больше не боялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.